

**ДУХОВНОСТЬ И ДУХОВНИЧЕСТВО
ДОКЛАД НА 2-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦЕРКОВНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ.**

МОСКВА, 18 МАЯ 1987 ГОДА

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

В этом году митрополиту Сурожскому Антонию (в миру – Андрею Борисовичу Блуму) исполняется 80 лет. Читая статьи и книги знаменитого проповедника и богослова, за его мыслью и словом всегда ощущаешь явный эффект присутствия автора, впрочем, не эффект – само присутствие. Совершается встреча. И в этой встрече, странное дело, чувствуешь и свое присутствие так, будто лично знаком с владыкой Антонием. Отчего это? Кажется, дело отнюдь не в том, что большинство статей митрополита Антония – обработанные фонограммы устных выступлений, причина – в искусстве автора встречаться с другим. Таинственный источник этого искусства – дар простоты, позволяющий владыке Антонию с одинаковой глубиной, теплом и серьезностью общаться с прихожанином в Успенском соборе Лондона и с неверующим интеллектуалом в радиобеседах Би-Би-Си, с лондонскими хиппи (присев, как рассказывают, в их кружок на городской площади) и с преподавателями Московской Духовной академии. Размышляя о чуде встречи, сам митрополит Антоний словно бы обращается специально к нам, психотерапевтам; «Мы должны научиться видеть человека, слышать человека, мы должны научиться его видеть не по отношению к себе, а по отношению к нему, признать его право на самобытность, на личное, независимое от нас, трагическое и славное существование... Как редко бывает, что мы друг друга умеем слушать, и какой это бесценный дар от Бога, когда мы встречаем человека, который способен забыть собственные заботы, не вспомнить о себе, не спешить никуда, не следовать за ходом собственных мыслей, а слушать, благоговейно и трепетно слушать» (Беседы о вере и церкви. – М.: Интербук, 1991, с.153).

Редакция от всего сердца поздравляет владыку Антония с юбилеем, а наших читателей – с тем, что в этом году на страницах журнала нам предстоит не одна встреча со словом замечательного пастыря.

Тема моего доклада – духовность и духовничество или, если предпочитаете, духовное окормление или душепопечение.

Я хотел бы сначала определить слово «духовность», потому что обычно, когда мы говорим о духовности, мы говорим об определенных выражениях нашей духовной жизни, таких как молитва, как подвижничество; и это ясно из таких книг, как, например, книги Феофана Затворника. Мне кажется, однако, надо помнить, что духовность заключается в том, *что* в нас совершает действие Святого Духа, и духовность не есть то, что мы ею обозначаем обычно, а эти проявления таинственного действия Духа Святого.

И это сразу нас ставит по отношению к духовничеству в очень четкое положение, потому что тогда речь не о том, чтобы человека воспитывать по каким-то принципам и научить его развиваться в молитве или аскетически по каким-то трафаретам. Духовничество тогда будет состоять в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он сам ни находился, зорко следил за тем, что *над* человеком и *в* человеке совершает Святой Дух, воззревал бы Его действие, защищал против соблазнов или падений, против колебаний неверия; и в результате духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а с другой стороны, гораздо более значительной, чем мы часто думаем.

Прежде чем пойти дальше, я хочу сказать два слова о том, что духовничество – не однозначное понятие. Есть, как мне кажется, три типа духовников.

На самом основном уровне это священник, которому дана благодать священства, который в себе носит не только право, но и благодатную силу совершать таинства: таинство Евхаристии, таинство Крещения, таинство Миропомазания, но также и таинство Исповеди, то есть примирения человека с Богом. Большая опасность, которой подвергается молодой неопытный священник, полный энтузиазма и надежды, состоит в том, что подчас молодые люди, выходящие из богословских школ, воображают, будто рукоположение наделило их и умом, и опытностью, и «различением духов», и делаются тем, что в аскетической литературе называли «младостарцами», то есть, не обладая еще духовной зрелостью, не обладая еще даже тем знанием, которое дает просто личный опыт, они думают, что их научили всему, что может им помочь взять кающегося грешника за руку и возвести от земли на небо.

И, к сожалению, это случается слишком часто и во всех странах: молодой священник в силу своего священства, но не потому, что он духовно опытен, и не потому, что Бог его к этому привел, начинает руководить своими духовными детьми «указами»: этого ты не делай; это

ты делай; такую-то литературу не читай; в церковь ходи; отбивая поклоны... И в результате получается некая карикатура духовной жизни у его жертв, которые делают все, что, может быть, и делали подвижники, – но те-то делали это из духовного опыта, а не потому, что они дрессированные животные. А для духовника – катастрофа, потому что он вторгается в такую область, в которую у него нет ни права, ни опыта вторгаться. Я настаиваю на этом, потому что это насущный вопрос для священства.

Старцем можно быть только по благодати Божией, это харизматическое явление, это дар; и научиться быть старцем нельзя, так же как нельзя выбрать своим путем гениальность. Мы все можем мечтать о том, чтобы быть гениальными, но мы отлично понимаем, что Бетховен или Моцарт, Леонардо да Винчи или Рублев обладали такой гениальностью, которой нельзя научиться ни в какой школе и даже нельзя научиться длительным опытом, но которая является Божественным даром благодати.

Я настаиваю на этом, может быть, слишком долго, потому что мне кажется, что это насущная тема – в России, возможно, больше, чем на Западе, потому что роль священника в России гораздо более центральна. И часто молодые священники – молодые или по возрасту, или по своей духовной зрелости или незрелости – «управляют» своими духовными детьми вместо того, чтобы их возвращать.

Вращивать – это значит относиться к ним и поступать с ними так, как садовник относится к цветам или другим растениям: надо знать природу почвы, надо знать природу растения, надо знать условия, в которые они поставлены, климатические или другие, и только тогда можно *помочь* – и это все, что можно сделать, – помочь этому растению развиваться так, как ему свойственно по его собственной природе. Ломать человека для того, чтобы его сделать подобным себе, *нельзя*. Один духовный писатель Запада сказал, что духовное чадо можно привести только *к нему самому* и дорога внутрь его жизни бывает иногда очень долгая. В житиях святых можно увидеть, как большие старцы это умели делать, как они умели быть собой, но прозреть в другом человеке его исключительное, неповторимое свойство и дать этому человеку, и другому, и третьему возможность быть тоже *самими собой*, а не репликами этого старца или, еще хуже, его трафаретным повторением.

Пример этому в истории Русской Церкви – встреча Антония и Феодосия Печерских. Феодосий был воспитан Антонием, и, однако, их жизнь ничего общего не имеет в том отношении, что Антоний был отшельником, а Феодосий – основоположником общего жития. Казалось бы, как мог Антоний воспитать его таким человеком, каким он сам не хотел быть, и приготовить его делать то, чего он сам не стал бы делать, к чему Бог его самого не призывал? Мне кажется, тут надо очень зряче различать между нашим желанием сделать человека подобным себе и желанием сделать его подобным Христу.

Старчество, как я сказал, это благодатный дар, это духовная гениальность, и поэтому никто из нас не может думать о том, чтобы вести себя подобно старцам. Но есть еще промежуточная область – это отцовство. И опять-таки, слишком часто молодой – и не такой молодой – священник только потому, что его называют «отец такой-то», воображает, что он не просто исповедальный священник, а действительно «отец», в том смысле, в котором Павел говорил, что пестунов у вас много, но я родил вас во Христа; и то же самое в свое время говорил святой Серафим Саровский. Отцовство заключается в том, что какой-то человек – и это может быть даже не священник – родил к духовной жизни другого человека, который, взглядевшись в него, увидел, как старое присловье говорит, в его глазах и на его лице сияние вечной жизни и потому мог к нему подойти и просить быть ему наставником и руководителем.

Отца отличает также то, что он как бы одной крови, и в духовной жизни – одного духа со своим учеником и может его вести, потому что между ними есть истинное, не только духовное, но и душевное созвучие. Вы, наверное, помните, как в свое время египетская пустыня была перенаселена подвижниками и наставниками и, однако, люди не выбирали себе наставника по признаку его выдающейся славы, не шли к тому человеку, о котором говорилось больше всего хорошего, а находили такого наставника, которого *они* понимали и который *их* понимал.

И это очень важно, потому что послушание не в том, чтобы делать слепо то, что говорит некто, имеющий над вами или материально-физическую, или душевно-духовную власть; послушание заключается в том, что послушник, выбрав себе наставника, которому он верит безусловно, в котором он видит то, что он сам ищет, вслушивается не только в каждое его слово, но вслушивается и в тон голоса и старается через все проявления личности наставника и все проявления его духовного опыта перерасти самого себя, приобщиться к этому *его* опыту и стать человеком, который уже вырос за предел той меры, которой он мог бы достичь своими собственными усилиями. Послушание – это раньше всего стремление слушать, и слышать не только умом, не только ухом, но всем существом, открытым сердцем, благоговейным созерцанием духовной тайны другого человека.

А со стороны духовного отца, который вас родил или который вас воспринял уже рожденными, но может быть отцом для вас, должно быть глубокое *благоговение* к тому, что в вас совершает Святой Дух. Духовный отец – так же, собственно, как любой добросовестный приходской священник – должен быть в состоянии (и это порой дается ценой усилия, вдумчивостью, благоговейным отношением к тому, кто к нему приходит) видеть в человеке ту красоту образа Божия, которая никогда не отнимается; если даже человек поврежден грехом, духовник должен видеть в нем икону, которая пострадала от условий жизни, или от человеческой небрежности, или от кощунства; видеть в нем икону и благоговеть перед тем, что осталось от этой иконы, и *ради* этой божественной красоты,

которая в нем *есть*, работать над тем, чтобы устранить *все*, что уродует этот образ Божий. Отец Евграф Ковалевский, будучи еще мирянином, как-то мне сказал: когда Бог смотрит на человека, Он не видит в нем ни добродетелей, которых может и не быть, ни успехов, которых тот не имеет, но Он видит незыблемую, сияющую красоту Собственного Образа. И вот, если духовник не способен видеть в человеке эту извечную красоту, видеть в нем уже начинающееся свершение его призвания стать по образу Христа богочеловеком, то он не может его вести, потому что человека не строят, не делают, а ему помогают вырасти в меру собственного его призвания.

И тут слово «послушание», может быть, следует немножко уяснить. Обыкновенно мы говорим о послушании как о подчиненности, подвластности, а подчас и порабощении духовнику или тому, кого мы называли – совсем напрасно и во вред не только себе, но и священнику – духовным отцом или своим старцем. Послушание же заключается именно в том, что я сказал выше: в слушании всеми силами души. Но это обязывает в равной мере *и* духовника, *и* послушника; потому что духовник должен прислушиваться всем своим опытом, всем своим существом и всей своей молитвой, и скажу больше – всем действием в нем благодати Всесвятого Духа – к тому, что совершает *Дух Святой* в человеке, который ему доверился. Он должен уметь проследить пути Духа Святого в нем, он должен благоговеть перед тем, что *Бог* совершает, а не стараться воспитать либо по своему образцу, либо по тому, как ему кажется, человек должен бы развиваться, как «жертва» его духовного водительства.

И с обеих сторон это требует смирения. Ожидаем мы легко смирения со стороны послушника или духовного чада; но сколько смирения нужно священнику, духовнику для того, чтобы *никогда* не вторгаться в святую область, чтобы относиться к душе человека так, как Моисею приказал Бог отнестись к той почве, которая окружала купину неопалимую. И *каждый* человек – потенциально или реально – уже является этой купиной; и все, что его окружает, это почва святая, на которую духовник может ступить, только изув свои сапоги, никогда не вступить иначе, чем как мытарь, стоящий у притолоки храма, глядящий в храм и знающий, что это область Бога Живого, место святое и он не имеет права войти туда иначе, как если Сам Бог велит или Сам Бог подскажет, какое действие совершить или какое слово сказать.

Одна из задач духовника в том, чтобы воспитать человека в духовной свободе, в царственной свободе чад Божиих и не держать его в состоянии инфантильности всю жизнь: чтобы он не прибегал всегда по пустякам, пусто, напрасно к своему духовному отцу, а вырос в такую меру, когда он сам научится слышать то, что Дух Святой глаголет неизреченными глаголами в его сердце.

И если подумать о том, что значит смирение, можно обратиться к двум коротким определениям. Первое: «смирение» – это состояние

примиренности, когда человек примирился с волей Божией, то есть отдался ей неограниченно, полностью, радостно и говорит: «Делай со мной, Господи, что хочешь!», но в результате примирился и со всеми обстоятельствами собственной жизни: все – дар Божий, и доброе, и страшное. Бог нас призвал быть Его посланниками на земле, и Он нас посылает туда, где мрак, чтобы быть светом; где безнадежье – чтобы быть надеждой; где радость умерла – чтобы быть радостью. И наше место не просто там, где покойно, в храме, или при совершении литургии, когда мы защищены взаимным присутствием, а там, где мы стоим в одиночку как присутствие Христово во мраке обезображенного мира.

Если подумать затем о латинских корнях смирения, то *humilitas* происходит от слова *humus*, обозначающего плодородную землю. Подумайте – об этом тоже пишет Феофан Затворник, – *что* представляет собой земля; она лежит, безмолвная, открытая, беззащитная, уязвимая, перед лицом неба; она принимает от неба и зной, и лучи солнечные, и дождь, и росу, но она принимает также то, что мы называем удобрением, то есть навоз, отбросы, все, что мы в нее кидаем, – и что случается? – она приносит плод, и чем больше она выносит того, что мы душевно называем унижением, оскорблением, тем больше она приносит плода.

И вот смирение – это раскрыться перед Богом так совершенно, чтобы никак против него, против воздействия Святого Духа или против положительного образа Христа, Его учения не защищаться и быть уязвимыми для благодати, как в греховности нашей мы уязвимы бываем от рук человеческих, от острого слова, от жестокого поступка, от насмешки – и отдать себя так, чтобы по нашему собственному желанию Бог имел право совершить над нами, *что бы Он ни захотел*: все принимать, открываться и тогда дать просто Святому Духу нас покорить.

Мне кажется, что если *и* духовник будет учиться смирению в этом смысле: видеть в человеке извечную красоту и знать свое место (а это место такое дивное, такое святое: место друга жениха, которому невеста – не его невеста, но который поставлен обречь встречу жениха и невесты), тогда духовник может действительно быть спутником своего духовного чада, идти шаг за шагом с ним, оберегая его, поддерживая его и никогда не вторгаясь в область Святого Духа; и тогда духовничество делается частью той духовности и того возрастания в святость, к которой каждый из нас призван и которую каждый духовник должен помочь своим духовным детям совершить.

Но где искать духовников? Беда в том, что старцев, даже духовников, нельзя искать, потому что мы можем обойти мир и не найти; но опыт подсказывает, что иногда Бог нам посылает нужного человека в нужную минуту хоть на короткий срок. И он тогда вдруг делается для нас тем, чем старцы были в продолжительном отношении. Знаете, я часто думаю, что мой как бы небесный покровитель – валаамова ослица, которая заговорила и сказала пророку то, чего он сам видеть не мог, в том смысле, что так часто ко мне приходит человек и я не знаю, что ему ответить, и вдруг

нечаянно скажу что-нибудь – и оказывается правильно. И я думаю, что в такой момент Бог тебе дает слово; но рассчитывать на то, что твой опыт, твоя начитанность тебе даст возможность это всегда делать, невозможно, и поэтому приходится очень часто благоговейно промолчать, а потом сказать человеку: знаешь, я сейчас не могу тебе ответить. И у нас есть замечательный пример в жизни Амвросия Оптинского; к нему приходили люди, прося совета, он их заставлял два-три дня ждать; и в одном случае купец пришел, говорит: мне надо возвращаться, у меня лавка закрыта, а ты мне ответа не даешь. И Амвросий ему ответил: «Не могу тебе ничего сказать! Я спрашивал ответа у Божией Матери, и Она молчит». И я думаю, что и мы могли бы сказать: «Я мог бы тебе от ума, от книг, от рассказов что-то сказать, но это было бы нереально – и вот я не могу тебе ничего сказать. Молись, я буду молиться, если что-нибудь мне Бог на душу положит, я тебе напишу, я тебе скажу». И человек относился бы тогда к слову, которое ты скажешь, когда ты говоришь его, совсем иначе, чем когда на все случаи жизни у тебя прописные истины, потому что все наизусть знают твои прописные истины: единственный вопрос в том, что он не знает, которая к нему относится вот сейчас.

Теперь я хочу пояснить, что когда я говорил о гениальности, я не говорил ни о священстве, ни даже о категории духовного отцовства, а специально и исключительно о старчестве. И я употребил слово «гениальность», потому что в области разговорного языка оно выражает то, что можно назвать иначе – «благодатность». В области мирской это гениальность музыкальная, артистическая, математическая – это нечто, чего мы не можем достигнуть никакими собственными усилиями. Поэтому я говорил не о священстве вообще и, конечно, не думал порочить приходского священника, самого молодого, простого, но искреннего, который делает свое священническое дело, исповедуя людей, делясь с ними тем, чему он научился от отцов Церкви, от богословов, от собственного духовника, от окружающей его христианской молитвенной среды. Это драгоценная вещь. Но есть момент, который меня немножко смущает: это то, что некоторые священники думают, что как только они облечены в рясу, надели епитрахиль, они будут говорить *от Бога*. И чем больше они духовно неграмотны и незрелы (это относится также и к мирянам, но сейчас я бью по священникам, потому что они «профессионалы»), тем легче они это делают. Я помню очень уважаемого человека, которого сейчас многие считают великим старцем на земле, который мне говорил: я больше не молюсь, когда люди ставят мне вопрос, потому что, так как после молитвы я говорю Святым Духом, то если они не исполняют точно то, что я скажу, они грешат против Духа Святого и им нет прощения. Вот это я имел в виду; это, конечно, слава Богу, крайность. И я в ужасе, что человек может думать, что потому что он трижды сказал: «Господи, просвети мой ум, еже помрачи лукавое похотение», то следующие его слова будут просто пророчеством от Бога.

И я думаю, что тут просто элементарный разум играет роль: можно говорить о том, что ты знаешь достоверно. Скажем, беря пример громадного масштаба: святой апостол Павел мог говорить с совершенной достоверностью и уверенностью о том, что воскрес Христос, потому что он встретил Живого, воскресшего Христа на пути в Дамаск; о некоторых других вещах он говорил не из такого первичного опыта. Другие люди также обладают определенным опытом, меньшего масштаба, может быть, меньшей силы, но о котором они могут говорить: «Да, я знаю достоверно» – как один безбожник, обратившийся к Богу, написал во Франции книгу под названием «Бог существует, я Его встретил».

Священник – и мирянин – могут также говорить из опыта церковного, которому они причастны, даже если не обладают им полностью; потому что, имея общие с другими некоторые опытные предпосылки, они могут прислушиваться к опыту других, опыту, который еще не стал полностью их опытом, но когда это нужно другому, они могут сказать: это правда, потому что это говорит Церковь, и я знаю из недр церковных больше, чем я знаю из собственного опыта. И наконец, есть вещи, о которых мы можем говорить только потому, что их нам открыл Господь.